

Т. И. ДРОНОВА

“КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ БАРЬЕР” ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ “УСТЬЦИЛЕМОВ” С РУССКИМ И ИНОЭТНИЧНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ

“Устьцилема” — этноконфессиональная группа русских, более четырех столетий пребывающих в численно превосходящем иноэтничном окружении: северные соседи — ненцы; южные — коми-ижемцы. Динамику этнокультурных взаимоотношений между устьцилемами и близживущими приуральскими народами следует рассматривать с момента образования на Печоре Усть-Цилемской слободки (1542 г.). Для переселенцев, прибывших на Печору с целью освоения северных территорий, существенным являлся барьер, обусловленный сменой экологической обстановки и культурно-хозяйственной деятельности. В процессе адаптации к условиям севера жители слободки использовали опыт северных народов, в частности, ненцев. На это указывает заимствование комплекса верхней одежды (малица, табаки, пимы и т.д.). Отсутствие на данном этапе каких-либо этнопсихологических барьеров между русским и коми населением создавало благоприятные условия для их дальнейшего совместного продвижения на Север и этнического смешения в районах оседания (1).

С приходом старообрядцев на нижнюю Печору (конец XVII — начало XVIII вв.) начинается новый этап взаимоотношений соседствующих народов. Как известно, староверы сохраняли чистоту своей религиозной культуры в силу сознательного культивирования старины, ограждая себя от конфессионально чуждых соседей. Религиозное сознание носителей старообрядческой культуры позволяло четко различать свое и чужое. Важными факторами в подобном разграничении являлись моральные и нравственные нормы, зафиксированные в письменной и устной традициях. Кодекс строгих правил и положений регламентировал не только внутреннюю жизнь скитов и общин, но и надежно контролировал внешние контакты, которые расценивались верующими как

грех. Показательно и то, что устьцилемы считали истинно православной только старую веру и поэтому исповедовавшие староверие начали приписывать себе ценностные характеристики, определяя себя как самым лучших. Позитивная оценка своей конфессиональной группы является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим сохранение традиционной культуры и передачу ее последующим поколениям. Однако при этом следует учесть, что обратной стороной этого явления выступает негативная оценка других этнических групп по отношению к своей собственной. Этот феномен прослеживается на различных уровнях. Убедительным примером являются разграничения, связанные с разницей в бытовом укладе исследуемых групп. В сознании устьцилемов коми-ижемцы и ненцы идентифицируются с некими мифическими инородцами, “дикими” людьми. Основанием для такого суждения послужили такие факты, как преимущественно кочевой образ жизни коми-ижемцев и использование ими чумов в качестве основного жилья: *“домов рубленых не имеют, всю жизнь как звери норы себе строят”*; употребление в пищу сырого мяса: *“оленья режут тут же кровь пьют, мясо жорют, хоть язык себе отрежут”*; определенная беспомощность ненцев в торговых операциях: *“к ним приедут торговцы пушнину закупать, а они и не знают, сколько денег спросить надо. Их, бенных, опеть и обманут”*; несовпадение представлений об элементарных нормах гигиены: *“в байны не моются, ходят глаза все в гною, а упичканы-ти, упичканы”* (2). Отсутствие бань у ненцев устьцилемы объясняют так: *“Как-то раз при перегоне стада на другое место ненцы остановились рядом с деревней и приняли приглашение деревенских жителей помыться в бане. На следующий день начался падеж оленей, который был расценен ненцами как нарушение запрета на мытье в бане. С тех пор ненцы в бане не моются”* (3).

Причиной наметившихся серьезных разногласий с коми-ижемцами явилось резкое увеличение поголовья оленей у последних, что в свою очередь породило дефицит свободных площадей для их выпаса. В связи с этим обострилась проблема неупорядоченности земельных отношений, включая рыболовные тони (4). Об отношении “устьцилемов” к коми-ижемцам свидетельствует факт, описанный С.В.Максимовым: *“...про ижемчей ты мне не сказывай! Это наши супостаты, супротивники: мы с ними из старины во вражде, и дирались, крепко-накрепко прежде, до смертного побития дирались”*.

“Устьцилема” с целью обоснования своих прав на территории,

освоенные коми в пределах Усть-Цилемской волости, слагали легенды, в которых главным аргументом использовали религиозный фактор. Так, согласно историческим данным, Нерица образована в 1731 г. переселенцами из Ижмы (5). По народным представлениям, *“село основано в период царствования Ивана Грозного, когда началась рознь в вере. Прибывшие в этот край старообрядцы из Москвы Евсей Евсеевич с сыном Евсеем первоначально заселились на правом берегу р.Нерицы в месте впадения ее в Печору. Расположившись в индусе (место между реками. — Т.Д.), переселенцы занялись земледелием, разведением скота, охотой. Вскоре на противоположном берегу Печоры коми-ижемцы выбрали место для проведения игрищ (“срамные гуляния”), куда с этой целью приезжали парни с девушками. В связи с этим жители Нерицы были вынуждены искать новое, более спокойное, место жительства. Переселенцы, подымаясь по реке, первоначально остановились на Варыщевой щелье. Но ее низменное положение и каменистый грунт не благоприятствовали занятию земледелием. В связи с этим было найдено новое, в отличие от предыдущего, отлогое место. Временно, в период освоения берега от леса, жители расположились на противоположном берегу Нерицы, позднее предназначенном для выпаса овец и получившем название “Беличьи пески”. Возведя на месте расчистки часовню, жилые постройки, переселенцы образовали деревню, назвав ее по реке — Нерица. По мнению старожилов, название реки было дано ненцами, выпасавшими в этих местах оленей. Поскольку река рано вскрывалась от льда, что являлось существенным препятствием при перегоне оленей на места их выпаса, ее прозвали “сись наридз” — кислая река. В народе же прочно закрепилось укороченное и несколько измененное название — Нерица”* (6). Уточним, что в коми языке “сись наридз” означает гнилая шуга, поэтому приведенное название, скорее, было образовано коми оленеводами. В религиозно-мифологическом сознании нижнепечорских староверов исторические реалии размываются воспроизводимыми ими схемами, в которых религиозный фактор обретает силу закона.

Уместно привести еще одно предание, связанное с объяснением топонима “Чукчино”. Впервые обозначение “Чукчина гора” упоминается в жалованной грамоте Ивана Грозного Ивашке на пользование землями по Печоре. Не исключено, что это название могло соответствовать какому-либо другому месту. В.Журавлев-Печорский указывает, что название это дано ижемцами (7).

Раньше на месте деревни рос еловый лес, в котором находился глухариный ток. Проезжавшие мимо него ижемские купцы называли его Чукчино. “Чукчи” в переводе с коми означает глухарь. К тому же “чук” по-коми — высокий, крутой. Таким образом, в приведенном названии деревни отражено как расположение на высоком, крутом берегу, так и промысловое значение выбранного места. Народная этимология представлена в одном из топонимических преданий: *“Когда-то около устья Цильмы был остров, на котором была расположена маленькая деревенька, про которую говорили: три двора, одна труба. Селение сгорело по вине одного мужика. Состоялся суд общины, на который виновник предстал грязным, оборванным, и народ прозвал его чумазым чукчей. Эта кличка так прочно закрепилась за ним, что в дальнейшем по имени к нему уже никто не обращался. Суд вынес приговор: расчистить от леса площадь для новой деревни. Подумав, мужик решил начать вырубку леса на высоком берегу, чтобы в половодье водой не топило”* (8).

Отношение жителей Усть-Цильмы к коми-ижемцам поддерживается выработанными стереотипами поведения, передаваемыми из поколения в поколение. Закладывание социально-психологических установок и усвоение общих представлений о коми как чуждых начинается с младенчества, в процессе социализации детей. В этот период подрастающее поколение перенимает ряд лексем и порядок их применения. Так, понятия “комьяк” и “лопарь” используются ими в значении “тупой” и применяются для обозначения лиц, выпадающих из их культурного поля. Большое значение устьицедами придается сравнению “по-ижемски”, являющемуся своеобразным оценочным суждением, заключающим в себе негативный оттенок. Например, плохо выполненная работа характеризуется как “сделана по-ижемски”. Многие женщины такое сравнение используют в качестве мотивации, по их мнению, некрасиво повязанного платка. При этом иногда добавляют: “бат не ижемка, эк ту завязалась”.

В этом контексте показательным является и восприятие староверами коми-ижемцев, проживающих в Усть-Цилемском районе. Информанты, перечисляя известных им представителей коми, о немногих дали положительные отзывы и при этом добавляли: “хотя и коми-ижемец, но человек был хороший”, что убедительно демонстрирует их отношение к представителям коми. Жители Усть-Цильмы охотно рассказывают различные четверостишия, былички,

в которых, явно принижаются достоинства ижемцев. При этом “устьцилема”, передавая речь, сказанную коми-ижемцами, достаточно сильно искажают слова, подчеркивая этим кажущееся им несовершенство языка представителей названной этнографической группы. Так, якобы проезжавший по Усть-Цильме ижемский купец хвастался:

Цельно льето ел я прукта

Черемук да горох.

Цельно льето бил я зверья

Таракана, муха, блох (8), (9).

В настоящее время этническая напряженность между “устьцилемами” и коми-ижемцами заметно снизилась. На этот процесс указывает значительно увеличившийся процент заключаемых смешанных браков. Наибольший процент смешанных браков и представителей коми, обосновавшихся в пределах Усть-Цилемской волости, наблюдается в селениях по Печоре, в полосе этнических границ. Об этом свидетельствует и активный фамильный фонд (Пижма: Антоновы, Кирилловы, Чупровы, Аншуковы, Поздеевы; Цильма: Бобрецовы, Поздеевы, Ермолины, Рочевы — д.Рочевская; селения по Печоре: Хозяиновы — д.Гарево, Носовы, Бабиковы, Поздеевы, Ермолины, Каневы, Рочевы, Вокуевы, Дуркины, — с.Усть-Цильма Тороповы, Чупровы, Поздеевы). Поселившиеся здесь коми-ижемцы овладели и усть-цилемским говором. Смешанных браков между устьцилемами и ненцами заключалось значительно меньше. По сообщению информантов, ненцев чаще нанимали в работники, поскольку они были неприхотливы и не требовали большой платы за выполненную работу.

Несмотря на определенную сложность взаимоотношений “устьцилемов” с иноэтничным окружением, следует отметить очевидные взаимовлияния как в духовной культуре, так и в хозяйственной деятельности, включая жилищно-хозяйственный комплекс, одежду. В усть-цилемском говоре представлены и заимствования из коми языка, происхождение которых устьцилемы тем не менее связывают с языком своих предков-староверов. В свою очередь песенный репертуар ижемцев включает обрядовые песни русских староверов.

При опросе населения Усть-Цильмы информанты сообщали также исторические факты об уважительном отношении соседей к традициям усть-цилемских староверов. В прошлом на Николу зимнего и весеннего “устьцилема” устраивали ярмарку, на которую съезжались

ижемские и ненецкие оленеводы. Участники ярмарки жертвовали церкви Николы Чудотворца оленей и некоторую промысловую продукцию, чем вызывали среди староверов определенное расположение к себе.

Представляет интерес материал, свидетельствующий о сохраняющемся “конфессиональном барьере” между “устьцилемами” и приехавшими в 70–80 годы в Усть-Цильму преимущественно русскими по происхождению специалистами. В этот период в Усть-Цилемском районе наряду с сельским хозяйством и промыслами активно развиваются и другие отрасли хозяйства. Возникший дефицит кадров руководители района восполняли приглашенными молодыми специалистами, которых коренное население стало рассматривать как “захватчиков”: *“приехали, да не во хлев пошли работать, а за столы уселись — как будто своих не нашли”*. В дальнейшем “устьцилема” начинают незаслуженно обвинять их в наживе за счет нижнепечорских жителей, используя такую мотивацию: *“...приехали голяком, а ныне в лисах да в бурках ходят; в добрых фатерах живут”*.

Следующим важным критерием отнесения “новых жителей” Усть-Цильмы к чужим, явилось заметное различие в одежде. Незвестные для устьцилемов виды одежды: берет, туфли на высоких каблукках и др. рассматривались ими весьма негативно (*“шишкова одежда”*) и вызывали настороженность среди пожилых старообрядцев. Показательным является и сравнение “горожан” с ряжеными (*“как машкарованы”*). Многие устьцилемки длительный период запрещали своим дочерям заменять традиционную одежду на современную.

Еще одним различием, по которому нижнепечорские староверы выделяют себя в рамках русского этноса, является усть-цилемский говор, который по праву можно определить как один из русских диалектов. Его активный набор по-прежнему составляют слова, вышедшие из употребления в центральных областях России, понятия и обозначения, введенные самими “устьцилемами”, а также некоторые заимствования из коми языка. Отметим, что многие слова, заимствованные у коми, обрели другое звучание.

Свою языковую исключительность “устьцилема” осознают отчетливо: выделяя “свой” язык, они утверждают *“уж по нашему-то некто так не бает”* или *“уж не наша говоря”*. Характеризуя своеобразный усть-цилемский говор, необходимо выделить ряд интонационных и фонетических признаков. Прежде всего обращает на себя внимание распевность и непрерывность произношения слов. Не каж-

дый “заезжий гость” сумеет понять коренного устьцилема, если он начинает о чем-то увлеченно рассказывать. Следующая особенность языка кроется в так называемом “цоканы”. Постороннему человеку, подметившему эту особенность, жители района декламируют коротенькие стишки или исполняют частушки, демонстрируя этим красоту говора:

Цейно бат куды ходила?

Цейно бат на рыночек.

Цейно бат цего купила?

Цейно бат корзиночек (9), (10).

Осознание нижнепечорскими староверами “своей” веры, “своего” языка, “своей” территории обусловило устойчивость их этноконфессионального самосознания, закрепленного в самоназвании “устьцилема”. Актуальность высказывания: “Есть русские, а есть еще и устьцилемы”, — очевидна. П.Ф.Лимеровым на верхней Печоре записан анекдот, в котором говорится об одном усть-цилемском парне, проходившем приписку в военкомате. На вопрос: ты коми или русский, призывник ответил — устьцилем.

Убедительным самовыражением “устьцилемов” является песня **“МЫ УСТЬЦИЛЕМА”**, написанная ухтинским поэтом А.К.Журавлевым, длительный период проживавшим в с.Усть-Цильма. Жители района называют ее своим гимном, придавая ей не меньшее значение, чем традиционным (“старинным”) песням. Ее исполняют в компаниях и со сцены домов культуры, на народных гуляниях и в дороге.

За дальним мегом, за синь-водою

Село Усть-Цильма, село святое.

Большие избы, большие сени

И говор русский, как на Мезени.

Мы не мезенцы.

Мы устьцилема.

Мы на своей земле.

Мы дома.

Без малиц худо зимой в морозы.

В сугробах синих плывут обозы.

Река Печора здесь в каждом сердце.

В пути встреч ветры, поют как ненцы.

Нет, мы не ненцы.

Мы устьцилема.

Мы на своей земле.

Мы дома.

Охотник смелый в лесном распадке.
Ему знакомы зверей повадки.
Он птицу снимет — не дрогнет ветка
Так только коми стреляют метко.

Нет, мы не коми.

Мы устьцилема.

Мы на своей земле.

Мы дома.

Живем со всеми в родстве и братстве.

О жизни думы, не о богатстве.

В трудах-заботах и с песней в сердце.

Мы Аввакума единоверцы.

Мы Россияне.

Мы устьцилема.

Мы на своей земле.

Мы дома.

В своем сообщении я остановилась лишь на некоторых отличиях, по которым нижнепечорские староверы выделяют себя среди русского и иноэтничного окружения. Разграничительные признаки являлись важными факторами в формировании традиционного мировоззрения устьцилемов и их этноконфессионального самосознания, обусловившего устойчивость и стабильность традиционной культуры локальной группы русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бернштам Т.А. К проблеме формирования русского населения бассейна Печоры // Материалы к этнической истории населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985.

2. ПМА.

3. ПМА. Информант А.М.Бабилова, 1922 г.р.

4. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.

5. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII—середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.

6. ПМА. Информант И.И.Носов, 1930 г.р.

7. Журавлев-Печерский В.В. Марьин корень. Сыктывкар, 1972.

8. ПМА. Информант Т.П.Дуркина, 1908 г.р.

9. Там же. Информант Ф.Н.Шишелов, 1926 г.р.

10. Там же. Информант П.Г.Бабилова, 1932 г.р.